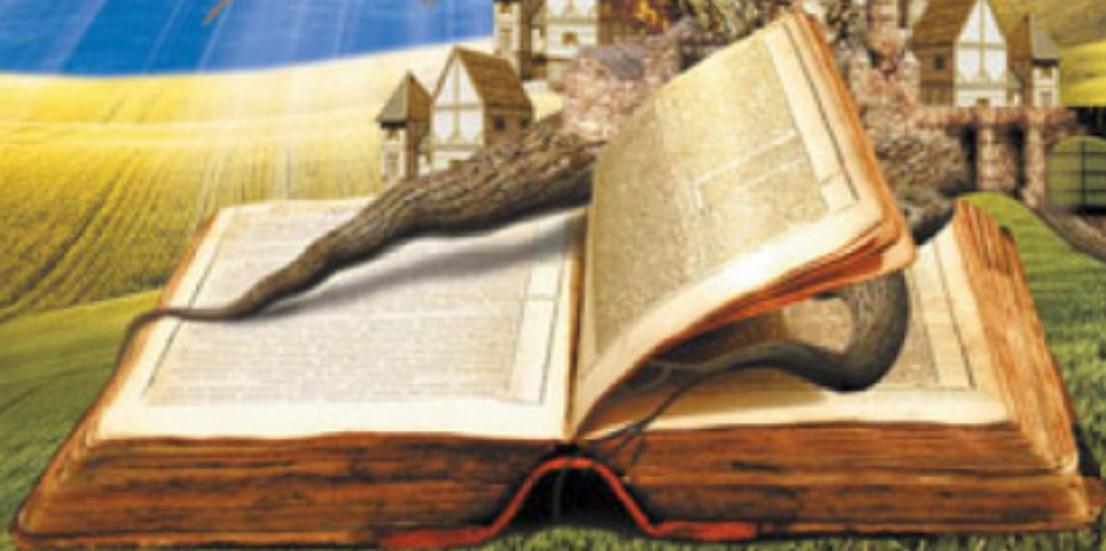

ОШНО

ПРИТЧИ СТАРОГО ГОРОДА

Беседы о свободе, любви,
счастье и юморе

ОШО

ВЕСЬ

Путь мистика

Бхагаван Раджниш (Ошо)

**Притчи старого города. Беседы о
свободе, любви, счастье и юморе**

ИГ "Весь"

Раджниш (Ошо) Б. Ш.

Притчи старого города. Беседы о свободе, любви, счастье и юморе
/ Б. Ш. Раджниш (Ошо) — ИГ "Весь", — (Путь мистика)

Этот сборник содержит двенадцать избранных дискурсов, в которых Ошо комментирует притчи духовных традиций мира. Каждая история сама по себе несет послание тому, кто ее слушает. Но в комментариях Ошо она становится настолько объемной и яркой, как будто читатель сам присутствует в том месте, где разворачиваются события. С помощью Мастера, который обращает наше внимание на неявные детали и показывает их значение, читатель начинает видеть то, что обычно остается скрытым от случайного наблюдателя. И тогда история становится вратами к высшему пониманию, дверью, ведущей к раскрытию сути послания, оставленного мастерами прошлого в притчах и историях и адресованного следующим поколениям искателей. «Все, что человечество находило, оно прятало в притчах. Вот почему Иисус говорит притчами, и Будда рассказывает истории... Любите истории. Когда их любят, они раскрывают свои тайны». Ранее книга выходила под названием «Человек, который любил чаек. Двенадцать избранных притч великих духовных традиций мира».

© Раджниш (Ошо) Б. Ш.

© ИГ "Весь"

Содержание

От переводчика	6
Введение	7
Глава 1	9
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ошо

Притчи старого города. Беседы о свободе, любви, счастье и юморе

OSHO является зарегистрированной торговой маркой и используется с разрешения Osho International Foundation. www.osho.com/trademarks

Все права защищены.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation,
Bahnhofstr/52, 8001 Zurich, Switzerland, www.osho.com

Osho

The Men Who Loved Seagulls

От переводчика

...Из белой страницы выступает что-то цветное. Присматриваясь, я убедился в том, что это картинка. И более того, что картинка эта не плоская, а трехмерная. Как бы коробочка, и в ней сквозь строчки видно: горит свет, и движутся те самые фигурки... Как же ее описать? А очень просто. Что видишь, то и пиши, а чего не видишь, писать не следует. Вот: картинка загорается, картинка расцветивается.

М. А. Булгаков. «Театральный роман»

Ошо говорил о себе, что для него беседовать с учениками – все равно что птице петь. Встречая солнце, птицы не могут не петь, потому что их переполняет радость бытия. Так и Мастер не может не говорить, потому что радость бытия переполняет его. Эти беседы – его песня. Еще он говорил, что с самого детства мечтал создать огромный цирк – самый большой в мире, – а может быть, даже превратить весь мир в большой цирковой балаган. Возможно, притчи, собранные в этой книге, и комментарии Мастера не похожи на цирк; скорее, это огромный театр или громадный съемочный павильон, где все сущее – декорации, великие просветленные – актеры, а все мы – восхищенные и благодарные зрители.

Как гениальный художник видит внутренним взором всю будущую картину, а потом воссоздает ее на холсте миллионами мазков; как гениальный композитор в единый миг слышит внутренним слухом колоссальнейшую симфонию и затем передает людям то, что услышал, миллионами нот... Примерно так рассказывает притчи Ошо.

Перед читателем лежит книга. В отличие от тех безмерно счастливых людей, которым довелось слушать Мастера, он может прочесть притчу и не торопиться переходить к комментариям, а отложить книгу и попробовать погрузиться в историю сам.

Сколько раз люди читали Евангелие, китайские или японские дзэнские анекдоты, буддийские истории, суфийские притчи и хасидские рассказы, сколько раз они пытались истолковать и осмыслить их в толстых богословских томах, научных трудах, замечательных художественных произведениях... Сколько мыслей, книг, фильмов, сколько вариантов...

Когда притчу рассказывает Ошо, он сразу «видит» ее, как яркую живую картину, слышит и понимает, словно сам присутствует там, а потом начинает воссоздавать в мельчайших подробностях. Как постановщик, он рисует «место и время действия» – берег реки, пыльную дорогу, деревенскую площадь, вечер или солнечное утро. Как режиссер, расставляет «действующих лиц» – Иисуса, Хотэя, Будду и всех, кто к ним пришел. И затем объясняет смысл каждого жеста, каждой реплики, каждой паузы, чтобы его «актеры» наполнили свою игру глубоким внутренним смыслом, а мы – слушающие или читающие «зрители» – поняли, что и почему происходит в этой сцене. Почему наклонился и стал чертить на песке Иисус, сказав фарисеям: «Кто из вас без греха...»; почему Хотэй бросил мешок на землю; почему чайки перестали играть с человеком, пришедшим на берег моря с лишней мыслью; зачем поклонился равви Айзик капитану стражи, добродушно посмеявшемуся над ним... Порой комментарии Ошо кажутся превосходным сценарием – до того точно описывает он самые, на первый взгляд, незначительные детали, отчего все они становятся необходимыми и глубоко значимыми.

Его понимание всегда оригинально и абсолютно непредсказуемо. В словах Заратустры, Будды, Иисуса, Лао-цзы – кого угодно – он открывает совершенно новое значение. Пожалуй, фраза «открывает новое» не подходит. Он ничего не открывает, просто «видит» все иначе. И его видение ярко и прекрасно, как божественная песнь.

Введение

Аристотель определил человека как рациональное существо. Человек не рационален, и это хорошо. Он на девяносто девять процентов иррационален, и это замечательно, поскольку все, что красиво и прекрасно, существует благодаря иррациональности. Рассудочность – это математика, внерассудочность – поэзия. Рассудочность – это наука, внерассудочность – религия. Рассудок – это рынок, деньги, рупии, доллары. Внерассудочность – любовь, песня, танец. Да, хорошо, что человек – не рациональное существо. Человек иррационален.

Человеку пытались дать множество определений. Я бы назвал человека животным, которое фантазирует. Он сочиняет мифы, а что такое мифы, как не фантазии, анекдоты, слухи?.. – пураны. Он создает религии, мифы, сочиняет истории о существовании. С самого своего начала человечество творит мифологию. Человек придумывает Бога, придумывает, что Бог создал мир, и сочиняет – свивает один за другим – красивые мифы. Человек есть мифотворящее животное, и без мифов жизнь была бы невероятно скучной.

Беда современности в том, что люди отказались от всех старых мифов. Глупцы-рационалисты слишком против них возражали. Человечество отбросило мифы, потому что, когда миф оспаривают, он не может защищаться. Он беззащитен. Он очень уязвим и хрупок. Если с ним бороться, он будет уничтожен, и вместе с ним будет уничтожено что-то очень красивое в человеческом сердце... Не миф, миф – это просто символ... но корни в сердце глубоки. Убивая миф, вы убиваете сердце.

Теперь те самые рационалисты всего мира, которые уничтожили мифы, чувствуют, что в жизни нет смысла, поэзии, нет причин для счастья, празднования. Из жизни ушла всякая праздничность. Без мифа мир превращается в большой рынок – исчезают все храмы. Без мифа человеческие отношения становятся просто сделкой – из них уходит любовь. Без мифа вы остаетесь одни в бесконечной пустоте.

Если только вы не просветленный, вы так жить не сможете, вы будете страдать от отсутствия смысла, потеряете покой, почувствуете глубокую внутреннюю тоску. Вы начнете себя убивать. Вы начнете искать способ так или иначе уйти от себя – в наркотики, в алкоголь, секс, куда угодно, – чтобы заглушить чувство, что жизнь бессмысленна.

Миф придает жизни смысл. Миф – не более чем красивая история, но он помогает жить. Пока вы не научитесь жить без всяких фантазий, миф помогает вам путешествовать, странствовать в мире. Он окружает вас человеческой атмосферой, без него мир был бы слишком каменным. Только подумайте: индийцы приходят к рекам, к Гангу, чтобы совершить поклонение. Без мифа Ганг был бы просто рекой, но благодаря мифу эта река становится матерью, и когда индуист приходит к Гангу, это для него величайшая радость.

Кааба в Мекке – не более чем камень. Он имеет форму куба, поэтому называется ка'ба, «куб». Но вы не представляете, какие чувства испытывает мусульманин, когда приходит к Каабе. Рождается огромная энергия. И ее рождает не Кааба – все это только миф. Но когда мусульманин целует этот камень, он забывает о земле, на которой стоит, и переносится в другой мир – мир поэзии. Обходя Каабу, он ходит вокруг самого Бога. Во всем мире мусульмане молятся, обернувшись лицом к Каабе. В разных местах мира они обращают лицо в разные стороны, но где бы ни были молящиеся: в Англии, в Индии, в Египте, – они обращаются лицом к Каабе. Пять раз в день мусульмане во всем мире молятся, обернувшись лицом к Каабе. Кааба становится центром мира. Миф, красивый миф... в это мгновение весь мир окружает поэзия.

Люди пытаются осмыслить существование – вот в чем суть мифа. Человек – животное, которое фантазирует и сочиняет анекдоты, слухи. Небольшие слухи – о соседе, о его жене... и большие, космические – о Боге. Но людям они нравятся.

Я люблю одну историю. Наверное, я тысячу раз рассказывал эту еврейскую историю...

В каком-то городе много веков назад жил один раввин. Когда город постигало какое-нибудь несчастье, он шел в лес, приносил жертвы, молился, исполнял ритуал и говорил Богу: «Отведи беду. Спаси нас». И город всегда бывал спасен.

Раввин умер, и его место занял другой человек. Случилась беда, и люди пришли к нему. Новый раввин отправился в лес, но не мог найти нужного места, потому что никто не знал, где оно. Тогда он сказал Богу: «Я не знаю точно, где то место, на котором молился старый раввин, но это неважно. Ты сам знаешь, где оно, поэтому я буду молиться здесь». И беды всегда обходили город стороной, а люди были счастливы.

И этот раввин умер, и другой пришел ему на смену. Снова город постигло какое-то бедствие, и люди собрались у его дома. Он пошел в лес и сказал Богу: «Я не знаю точно, где было место, и не знаю ритуала. Я знаю только молитву. Ты всеведущ, так что, пожалуйста, не придирайся к мелочам. Послушай...» И сказал то, что хотел сказать. Бедствие прекратилось, все обошлось.

Он тоже умер, и вместо него пришел новый раввин. Во время какой-то эпидемии к нему обратился весь город. Люди сказали: «Иди в лес, как в старые времена. Так всегда делали прежние раввины».

Он ответил, сидя в кресле: «Зачем ходить? Бог может услышать и отсюда. Я не знаю, где было то место...» Он посмотрел в небеса и сказал: «Послушай... Я не знаю места, не знаю ритуала, не знаю даже молитвы, но зато знаю всю историю – как сначала ходил один раввин, потом другой, третий, четвертый... Я расскажу тебе, я знаю, ты любишь истории. Пожалуйста, выслушай и отведи беду».

Он рассказал историю о древних раввинах. И говорят, Богу она так понравилась, что город был спасен.

Должно быть, Бог очень любит истории; он сам сочиняет мифы и наверняка любит всякие истории. Он сам пустил первый слух!

Да, жизнь – это мимолетный слух, преходящая фантазия в вечном молчании существования, а человек – животное, которое фантазирует. Пока вы не станете богом, вы будете любить фантазии: романы о Раме и Сите, Адаме и Еве, Махабхарате греческие, римские, китайские истории. Их миллионы – и все они прекрасны.

Если не вносить в них логики, может быть, они могут открыть внутренние двери, раскрыть внутренние тайны. Если логику внести, двери закрываются. Тогда этот храм не для вас. Любите истории. Когда их любят, они раскрывают свои тайны. А в них скрыто многое: все, что человечество находило, оно прятало в притчах. Вот почему Иисус говорит притчами, и Будда рассказывает истории. Все они любят анекдоты, слухи и фантазии.

Глава 1

Путем канатоходца

История о короле и двух преступниках

О вере и доверии, и о разнице между ними

* * *

Однажды, когда хасидим по-братски сидели вместе, К ним, с трубкой в руке, присоединился раввин Израэль. Он был само дружелюбие, и они его попросили: «Скажи, дорогой равви, как нам служить Богу?»

Он удивился этому вопросу и ответил было: «Откуда мне знать?» – но потом рассказал такую историю...

У одного короля было двое друзей, и оба они оказались повинны в преступлении. Король их любил и хотел явить им милость, но не мог оправдать, потому что даже королевское слово не может быть сильнее закона. Тогда он велел натянуть веревку над глубокой пропастью и вынес приговор, чтобы они, один за другим, прошли по ней. Тому, кто перейдет на другую сторону, будет дарована жизнь.

Все было сделано так, как велел король, и первый из друзей перешел благополучно.

Другой же, стоя на прежнем месте, крикнул ему: «Скажи мне, друг, как тебе это удалось?»

Первый крикнул в ответ: «Сам не знаю!.. Только одно могу сказать: когда я чувствовал, что вот-вот упаду в одну сторону, я наклонялся в другую».

* * *

Существование парадоксально, парадокс лежит в самой его основе. Существование живет благодаря противоположностям, в равновесии между противоположностями. И тот, кто учится сохранять равновесие, обретает способность понять, что такое жизнь, что такое существование, что такое Бог. Тайный ключ к этому – равновесие.

Несколько вопросов, прежде чем мы обратимся к этой истории... Первое: нас учили аристотелевой логике – линейной, одномерной. Жизнь отнюдь не следует Аристотелю, ей ближе Гегель. Логика не линейна, логика диалектична. Сам процесс жизни суть диалектика, встреча противоположностей – конфликт между противоположностями и, вместе с тем, их встреча. Жизнь движется в этом диалектическом процессе: от тезиса к антитезису, от антитезиса к синтезу; затем синтез снова становится тезисом, и весь процесс начинается заново.

Если бы Аристотель был прав, были бы только мужчины и не было бы женщин, или только женщины и никаких мужчин, был бы только свет и никакой тьмы, или только тьма и никакого света. Это было бы логично. Либо жизнь, либо смерть, но не то и другое вместе.

Но жизнь не основывается на аристотелевой логике, жизнь содержит и то, и другое. На самом деле, она вообще возможна только благодаря обоим противоположностям: мужчина и женщина, инь и ян, день и ночь, рождение и смерть, любовь и ненависть. Жизнь включает обе противоположности.

Это первое, что должно глубоко пропитать ваше сердце, потому что в голове у каждого царит Аристотель. Во всем мире система образования верит в Аристотеля, – хотя для самых передовых научных умов Аристотель отошел во вчерашний день. Он устарел, вышел в тираж.

Наука оставила Аристотеля далеко позади, потому что стала ближе к существованию. Сейчас наука понимает, что жизнь диалектична, не логична.

Я слышал...

Знаете ли вы, что на борту Ноева ковчега было запрещено заниматься любовью?

Потоп окончился, и Ной наблюдал, как пары по очереди выходят из ковчега. Шествие замыкали кот с кошкой, за которыми шло множество маленьких котят. Ной вопросительно поднял брови, и кот сказал ему:

– Ты думал, мы дрались!

Наверное, Ной был аристотелианцем. Кот был мудрее.

Любовь сродни борьбе, любовь и есть борьба. Без борьбы любовь существовать не может. Борьба и любовь кажутся противоположными, поскольку мы думаем, что любящие не должны бороться. Логично: если вы кого-то любите, как можно бороться? Интеллекту абсолютно ясно, очевидно, что любящие бороться не должны – но они борются. Их даже называют «интимными врагами»; они постоянно борются. В самой этой борьбе высвобождается энергия, которая называется любовью. Да, любовь – не только борьба, не только битва, она – нечто большее. Любовь включает в себя борьбу, но ее трансцендирует. Борьба не может ее разрушить. Любовь терпит борьбу, но без нее существовать не может.

Посмотрите на жизнь – она не следует Аристотелю, Евклиду. Если не накладывать на нее своих представлений, если просто видеть вещи такими, как они есть, вы внезапно удивитесь: противоположности взаимно дополняют друг друга. И само напряжение между ними составляет ту основу, на которой держится жизнь, иначе она бы исчезла. Представьте себе мир, в котором нет смерти... Ум может сказать: «Тогда жизнь будет вечной», – и будет неправ. Если не будет смерти, жизнь просто исчезнет. Она не может существовать без смерти; смерть дает ей фон, основу, смерть придает ей яркость и богатство, смерть дает ей страсть и интенсивность.

Смерть не противоречит жизни – это первое, смерть включена в жизнь. И если вы хотите жить подлинно, необходимо научиться постоянно подлинно умирать. Нужно сохранять равновесие между рождением и смертью и оставаться точно посередине. Точная середина, поддержание равновесия не может быть статичным: не то чтобы однажды вы его нашли – и конец, делать больше нечего. Вздор! Никто не достигает равновесия навсегда, его приходится находить снова, снова и снова.

Понять это очень трудно из-за того, что наши умы воспитаны на представлениях, не применимых к реальной жизни. Вы думаете: если однажды достичь состояния медитации, больше ничего не нужно – вы останетесь в медитации. Вы ошибаетесь. Медитация – не статичное состояние. Это равновесие. Вам придется достигать его снова, снова и снова. Достичь его вам будет легче и легче, но оно не будет оставаться у вас в руках всегда, как собственность. Каждый миг нужно находить его заново, только тогда оно ваше. Вы не сможете отдыхать, не сможете сказать: «Я долго медитировал и понял, что мне больше ничего делать не нужно. Можно отдохнуть». Жизнь не верит в отдых; жизнь есть постоянное движение от совершенства к еще большему совершенству.

Послушайте меня: от совершенства к еще большему совершенству. Жизнь никогда не бывает несовершенной, она всегда совершенна, но всегда возможно еще большее совершенство. С точки зрения логики это абсурдно.

Я читал историю...

Одного человека обвинили в том, что он расплатился фальшивыми деньгами. На суде обвиняемый сказал, что не знал, что деньги были фальшивыми. Когда от него потребовали доказательств, он сознался:

– Я их украл. Стал бы я красть деньги, если бы знал, что они фальшивые?

Поразмыслив, судья решил, что это не лишено здравого смысла, и снял обвинение в подделке денег. Но взамен он выдвинул новое обвинение – в воровстве.

– Конечно, я их украл, – любезно согласился обвиняемый. – Но согласно закону фальшивые деньги не имеют никакой ценности. С каких пор преступлением считается кража ценности, которая ничего не стоит?

Никто не смог найти в его логике изъяна, и его отпустили на свободу.

Но в жизни логика не поможет. В жизни вам не отделаться так легко.

Можно легально и логично выбраться из юридической ловушки, потому что такая ловушка строится на аристотелевой логике – чтобы уйти из нее, можно воспользоваться той же логикой. Но в жизни вы не сможете выйти из положения при помощи логики, теологии и философии, или благодаря тому, что очень ловко изобретаете теории. Выбраться из ловушки жизни, выйти за пределы жизни можно только благодаря реальному опыту.

Есть два типа религиозных людей. Первый тип – инфантильный, основывающийся на поисках образа отца. Люди первого типа – не взрослые, они не могут полагаться на самих себя, поэтому им нужен Бог – какой угодно. Есть он или нет, неважно, – но Бог необходим. Даже если Бога нет, незрелый ум его изобретет, потому что такова психологическая потребность незрелого ума. Вопрос не в истине – есть ли Бог или нет, вопрос в психологической потребности.

В Библии говорится, что Бог создал человека по своему образу, но скорее, наоборот: человек создал по своему образу Бога. Вы создаете Бога в соответствии со своими потребностями, вот почему идея Бога меняется с каждым столетием. В каждой стране свои представления о Боге, потому что в каждой стране свои потребности. Даже у каждого отдельного человека особое представление о Боге, потому что у каждого свои потребности, которые нужно удовлетворить.

Итак, религиозный человек первого типа – так называемый религиозный человек – просто незрел. Для него религия еще не религия, а психология. А делать из религии психологию – значит просто мечтать, выдавать желаемое за действительное. Такая религия не имеет ничего общего с реальностью.

Я читал...

Маленький мальчик в заключение молитвы сказал: «Дорогой Бог, позаботься о мамочке, позаботься о папочке, позаботься о моей маленькой сестренке, о тете Эмме и дяде Джоне, о бабушке и дедушке, – и главное, милый Бог, позаботься о себе, иначе мы все пропали!»

Таков Бог большинства. Девяносто процентов так называемых религиозных людей – незрелые люди. Они верят потому, что не могут жить без веры; они верят потому, что вера дает им некоторую безопасность; они верят потому, что вера помогает им чувствовать себя защищенными. Это *их собственная* мечта, но она помогает. Без веры им будет одиноко в темной ночи жизни, в жестокой битве существования. Но их Бог – это *их собственный* Бог, а не божественность реальности. И как только они избавятся от незрелости, их Бог исчезнет.

Так и случилось: в нашем веке многие люди перестали быть религиозными – не потому, что узнали, что Бога нет, а потому, что этот век немного прибавил нам зрелости. Человек достиг совершеннолетия, стал чуть более зрелым. Поэтому Бог детства, Бог незрелого ума просто потерял актуальность.

Вот что значит заявление Фридриха Ницше: «Бог умер». Умерла не божественность, умер Бог незрелого ума. На самом деле, неправильно говорить, что Бог умер, потому что Бог никогда не жил. Правильнее сказать, что Бог более не актуален. Человек в большей степени может полагаться на самого себя; ему не нужна вера, не нужны костыли веры.

Как следствие, люди стали меньше и меньше интересоваться религией. Им стало безразлично, что происходит в церкви, – и безразлично до такой степени, что они даже ни с чем не спорят. Если спросить: «Вы верите в Бога?» – они скажут: «Какая разница? Существует он или нет, от этого ничего не меняется». Если вы сами верите, из вежливости они скажут: «Ладно, Бог существует». Если вы не верите, они скажут: «Хорошо, Бога нет». Но никакого страстного интереса больше нет.

Первый тип религии просуществовал многие века, многие эпохи и становится все более устаревшим, отжившим. Его время истекло. Нужен новый Бог, не психологический. Необходим новый, экзистенциальный Бог: божественность реальности, Бог *как* реальность. Можно даже отказаться от слова «Бог», можно заменить его словом «реальное», «экзистенциальное».

И есть второй тип религиозных людей, для которых религия больше не порождение страха. Первый тип религии возникает из страха, второй тип – тоже мнимая, поддельная, так называемая религия – порождение не страха, но ума. Есть хитрецы, постоянно изобретающие теории; искусенные в логике, метафизике, философии, эти люди создают религию как чистую абстракцию: прекрасное произведение искусства, интеллекта, разума, философствования. Но она не проникает внутрь жизни, ни в чем не соприкасается с жизнью, оставаясь всего лишь абстрактной концептуализацией.

Однажды Мулла Насреддин мне сказал: «Я никогда не был порядочным человеком. Я воровал дыплят и арбузы, напивался и в драках пускал в ход кулаки и бритву, но только одного никогда не делал: несмотря на всю свою низость, я никогда не отступался от своей религии».

Что это за религия? Она никак не влияет на вашу жизнь. Вы верите, но вера не проникает внутрь жизни, не преображает ее. Она не становится неотъемлемой частью вас: не течет в вашей крови, не дышит в вашем дыхании, не бьется у вас в сердце – это что-то бесполезное. Самое большее – украшение, но совершенно бесполезное. В определенные дни вы ходите в церковь; это формальность, социальная необходимость. Вы можете говорить о Боге, о Библии, о Коране, о Ведах и изливать потоки красноречия, но все это пустые слова, вы не искренни. Ничего подобного нет в вашей жизни – она идет своим чередом, она не имеет ничего общего с религиозностью.

Посмотрите... кто-то называет себя мусульманином, кто-то называет себя индуистом, один говорит, что он христианин, другой говорит, что он иудей, – их вера различна. Но посмотрите на их жизнь – вы не найдете между ними никакого различия. Мусульманин, иудей, христианин, индуист – все они живут одинаково. Вера совершенно не затрагивает их жизнь.

По сути дела, никакие верования не могут затронуть вашу жизнь; это приспособления, коварные уловки, позволяющие вам сказать: «Я знаю, что такое жизнь», – и спокойно отдыхать, не беспокоясь больше о жизни. У вас в руках готовая концепция, и с ее помощью вы можете объяснить что угодно. Тогда жизнь не слишком вас беспокоит, потому что у вас есть ответы на все вопросы.

Но помните... пока религия не стала личной, пока из абстракции она не превратилась в реальность, не вошла глубоко в ваши корни, в самую сердцевину – пока она не стала вашей плотью и кровью, – она бесполезна, тщетна. Это религия философов, но не религия мудрецов.

Когда появляется третий тип... настоящая религия. Первые два типа были ее фальсификацией, ложными измерениями, дешевые, очень доступные, потому что от вас ничего не требуется. Путь религии третьего типа труден и тяжок. Она бросает вам великий вызов; она переворачивает все в вашей жизни вверх дном, потому что третья, настоящая религия требует, чтобы к Богу обращались лично – вам придется принять его вызов и бросить вызов ему, прийти с ним к согласию, может быть, даже с ним бороться, сражаться, любить его и ненавидеть, быть ему другом и врагом, – но чтобы опыт Бога был живым.

Я слышал об одном маленьком ребенке, мне бы хотелось, чтобы вы были на него похожи. Он проявил настоящий ум...

На пикнике воскресной школы потерялся маленький мальчик. Мать бросилась его разыскивать и вскоре услышала громкий детский голос: «Эстель! Эстель!»

Она тут же заметила своего малыша, подбежала к нему и крепко обняла.

– Почему ты звал меня по имени – Эстель, а не кричал: «Мама»? – спросила она, так как никогда раньше он не называл ее по имени.

– Кричать «мама!» было бессмысленно, – объяснил малыш. – Их здесь полным-полно.

Если вы зовете: «Мама!»... матерей так много – полным-полно. Нужно позвать лично ее, нужно позвать по имени.

Пока Бога не позовут лично, пока не обратятся к нему по имени, он не станет реальностью. Можно звать «отца», но о чем отцу вы говорите? Когда Иисус называл Бога «отцом», это было личное обращение. Когда этим словом пользуетесь вы, оно абсолютно безлично. Оно христианское, но безличное. Когда Иисус звал Бога «отцом», это имело смысл, когда об «отце» говорите вы, это бессмысленно: вы не нашли никакой связи, реальной связи с существованием. Только живой опыт – не вера и не философия – только живой опыт даст вам способность обращаться к существованию лично. Тогда вы сможете с ним столкнуться лицом к лицу.

А не столкнувшись с существованием, вы просто обманываете себя словами... – пустыми, бессодержательными.

Был один очень известный суфийский мистик, его звали Шакик. Он доверял Богу так глубоко, безгранично, что жил одним этим доверием. Иисус говорит своим ученикам: «Посмотрите на полевые лилии – они не трудятся; но все же они так живы и прекрасны, что и Соломон во всей своей славе не сравнится с ними». Шакик жил, как лилия... Немногие мистики жили так, как он; но иногда так жили самые обычные люди... Доверие бесконечно, абсолютно, ничего делать не нужно – для вас все сделает существование. Больше того, даже когда вы что-то делаете, это делает Бог. Вам только кажется, что вы что-то делаете.

Однажды к Шакику пришел человек, который обвинил его в праздности и лени и предложил на себя работать. «Я буду платить тебе за службу», – добавил он.

Шакик ответил: «Я принял бы твоё предложение, если бы не пять возражений. Первое: ты можешь разориться. Второе: твоё богатство могут украсть воры. Третье: все, что ты мне дашь, ты будешь отдавать с большой неохотой. Четвертое: заметив недостатки в моей работе, ты, скорее всего, меня уволишь. Пятое: если тебя постигнет смерть, я потеряю источник пропитания. А между тем, – заключил Шакик, – у меня уже есть Хозяин, в полной мере лишенный подобных несовершенств».

Вот что такое доверие. Доверьтесь жизни, и тогда нельзя будет ничего потерять. Но доверие не придет благодаря идеологической пропаганде, не придет из образования, проповедей, обучения, мышления; доверие может прийти только из опыта жизни – во всех ее противоположностях, противоречиях, парадоксах. Когда среди всех парадоксов вы находите точку равновесия, это и есть доверие. Доверие – аромат равновесия, благоухание равновесия.

Если действительно хотите обрести доверие, бросьте все ваши верования. Они не помогут. Верующий ум глуп, доверяющий ум становится средоточием чистого разума. Верующий ум посредственен, доверяющий ум становится совершенным. Доверие рождает совершенство.

И разница между верой и доверием проста. Я говорю не о словарном значении этих слов – в словаре вы прочтете, что верование означает доверие, доверие означает веру, вера означает верование. Я говорю об экзистенциальном. В экзистенциальном смысле вера заимствована, доверие же – ваше собственное. Вы верите, но под самой поверхностью вашей веры остается сомнение. В доверии нет элемента сомнения – оно свободно от сомнения. Вера создает внутреннее разделение: одна часть ума верит, другая часть отвергает. Доверие – это единство вашего существа, ваша тотальность.

Но как можно тотально доверять, если нет собственного опыта? Бог Иисуса не годится; Бог, пережитый мной, не годится для вас; Бог, пережитый Буддой, вам не подходит – опыт должен быть *ваш*. Придерживаясь верований, вы будете раз за разом сталкиваться с опытами и переживаниями, которые не соответствуют верованиям; в таких случаях ум склонен не замечать опытов, делать вид, что их нет, потому что они нарушают покой. Они подрывают веру, а вам хочется продолжать за нее цепляться. И тогда вы становитесь все более слепы к жизни – вера застилает вам глаза.

Доверие открывает глаза, доверию нечего терять. Доверие означает – что реально, то реально: «Я могу отложить в сторону желаемое, оно только отвлекает ум от действительного, но ничего в действительном не меняет».

Если вы во что-то верите и сталкиваетесь с опытом, который с этой верой несовместим и в силу этого кажется невозможным – или опыт таков, что вынуждает вас отбросить веру, – что вы выберете: веру или опыт? Ум склонен выбрать веру и забыть об опыте. Поэтому столько раз вы оставались глухи, когда Бог стучал вам в двери.

Помните: не только вы ищете истину – истина сама ищет вас. Много раз ее рука была к вам так близко, что почти вас касалась, но вы робели и отступали. Истина не соответствовала вашей вере, и вы выбирали веру.

Я слышал великолепный еврейский анекдот.

Однажды ночью в спальню Патрика О’Рурка влетел вампир, чтобы напиться его крови. Припомнив рассказы матери, О’Рурк схватил распятие и принялся лихорадочно им размахивать у самого носа вампира. Тот на мгновение замер, сочувственно покачал головой, поцокал языком и добродушно заметил на чистейшем идише: «Ой вей, баббула! Не повезло же тебе с вампиром!»

Да, хорошо, если вампир христианский! Можно показать ему крест. Ну а если вампир попался еврейский? Тогда: «Ой вей, баббула! Не повезло же тебе с вампиром!»

Если вы придерживаетесь определенной веры, а жизнь ей не соответствует, что вы будете делать? Можно и дальше размахивать распятием, – но если вампир окажется евреем, он не обратит на ваш крест никакого внимания. Что делать в этом случае?

Жизнь так огромна, а верование так мало; жизнь безгранична, а верование крохотно. Жизнь не соответствует никакой вере, и, пытаясь втиснуть жизнь в свою веру, вы пытаетесь сделать невозможное. Так не бывает. Так не может быть по самой природе вещей. Бросьте все верования и учитесь переживать опыт.

А теперь – история.

Однажды, когда хасидим по-братски сидели вместе, раввин Израэль с трубкой в руке присоединился к ним. Он был само дружелюбие, и они его попросили: «Скажи, дорогой равви, как нам служить Богу?»

Несколько слов о хасидизме. Во-первых, слово «хасид» происходит от еврейского слова, означающего «благочестивый, чистый». Оно образовано от существительного «хасед», что означает «божественная милость».

Слово «хасид» очень красиво. В самой своей отправной точке сам подход хасидизма основан на божественной милости. Не *вы* что-то делаете – жизнь происходит сама; просто будьте в молчании, пассивности, бдительности, восприимчивости. Бог является из своей милости – не благодаря вашим усилиям. Поэтому хасидизм не предписывает никаких аскетических практик. Хасидизм верит в жизнь, в радость. Хасидизм – одна из немногих жизнеутверждающих религий в этом мире. В нем нет отречения, ни от чего отречься не нужно. Напротив, вы должны праздновать. Считается, что основатель хасидизма Баал Шем сказал: «Я пришел научить вас новому пути, – не пути поста и искупления, не пути потакания, – но пути радости в Боге».

Хасид любит жизнь, стремится к ее живому опыту, и из самого этого опыта рождается равновесие. И в таком состоянии равновесия – когда вы по-настоящему сбалансированы, не склоняясь ни в одну ни в другую сторону, когда вы точно посередине, – однажды вы переступаете пределы. Середина принадлежит запредельному, в середине человек находит двери в запредельное.

Если вы действительно хотите знать, что такое существование... оно не в жизни и не в смерти. Жизнь – одна крайность, смерть – другая. Существование же точно между ними; там,

где нет ни жизни, ни смерти, и человек не рожден и бессмертен. В этот миг полного равновесия нисходит божественная милость.

Мне бы хотелось, чтобы все вы научились искусству принимать божественную милость. Мне бы хотелось, чтобы вы узнали эту науку, это искусство равновесия.

Ум любит выбирать крайности. Есть люди, склонные к потаканию: они потакают себе в чувственности, сексуальности, еде, владении вещами – одеждой, домами, тем или другим. Люди потакания слишком отклоняются в сторону жизни – и теряют равновесие. Другие же пугаются, видя, как первые срываются с каната существования и падают в потакание, в пропасть потакания. Они начинают склоняться к другой крайности – отрекаются от мира, бегут в Гималаи. Они бегут от жен, детей, дома, мира, они уходят и прячутся в монастырях. Они выбирают другую крайность. Потакание – это крайность жизни, отречение – крайность смерти.

Таким образом, в замечании Фридриха Ницше об индуизме – когда он называет индуизм религией смерти, – есть доля истины. Когда Ницше говорит, что Будда похож на самоубийцу, в его словах есть доля истины. И вот эта истина: человек бросается из одной крайности в другую.

Вся суть хасидизма в том, чтобы не выбирать крайности, а оставаться посередине, – открытым для обеих крайностей и, в то же время, за их пределами, ни с одной из них не отождествляясь, не становясь одержимым и ни к какой из них не привязываясь – просто оставаться свободным и радостно наслаждаться обеими. Если приходит жизнь, наслаждайтесь жизнью; если приходит смерть, наслаждайтесь смертью. Если Бог по своей милости дарует жизнь, любовь – хорошо; если он посылает смерть, наверное, и она хороша – это его дар.

Баал Шем прав, когда говорит: «Я пришел научить вас радоваться в Боге». Хасидизм – религия празднования, чистейшее цветение культуры иудаизма, цветение и аромат всего еврейского народа, одно из самых красивых явлений на земле.

Однажды, когда хасидим по-братски сидели вместе...

Хасидизм учит жить сообща. Это очень общинное мировоззрение. Хасидизм говорит, что никакой человек не остров, никакой человек не эго – не должен быть эго, не должен быть островом. Человек должен жить общинной жизнью.

Мы здесь растим хасидскую общину. Жить общиной значит жить в любви, жить общиной значит жить в согласии, заботиться друг о друге.

Есть много религий, ориентирующих людей на самих себя. Они думают только о себе, никогда не об общине. Они думают только, как *мне* достичь освобождения, как *мне* стать свободным, как *мне* достичь мокши – *моей* мокши, *моей* свободы, *моего* освобождения, *моего* спасения. Но перед всем стоит «*мое*» – эго. Эти религии изо всех сил пытаются отбросить эго, но именно на эго основаны все их усилия. Хасидизм говорит: если вы хотите отбросить эго, лучший способ это сделать – жить общиной, жить с людьми, разделять их радости и печали, счастье, жизнь, смерть. Заботьтесь о других, сопереживайте, и тогда эго исчезнет само собой. А когда эго нет, человек свободен. Свободы эго не бывает, бывает только свобода *от* эго.

Хасидизм пользуется общинной жизнью как средством. Хасиды жили небольшими общинами, и созданные ими общины прекрасны – очень праздничные, танцующие, наслаждающиеся маленькими радостями жизни. Они делают священным в жизни самое малое – еду, питье. Все обретает качество молитвы. Обыденность жизни перестает быть обыденной, она наполняется божественной милостью.

Однажды, когда хасидим по-братски сидели вместе...

Вот их особенность. Если вы посмотрите на джайнских монахов, то не увидите никакого братства – невозможно. Отличается сам подход. Каждый джайнский монах – как остров, но хасиды – не острова. В глубоком братстве они составляют один континент.

Отдельный человек, замкнутый в себе самом, уродлив. Жизнь – в любви, в потоке, в том, чтобы отдавать, принимать, делиться.

Пойдите в джайнский монастырь или храм, где сидят джайнские монахи, – просто понаблюдайте. Вы ясно увидите, что каждый из них замкнут в себе, нет никакой связи с внешним миром. На это и направлены все усилия: не быть связанным, разорвать всякие внешние отношения. Но чем больше вы оторваны от общины и от жизни, тем вы мертвее. Очень трудно найти джайнского монаха, который был бы еще жив. Я знаю это очень хорошо, потому что родился джайном и наблюдаю их с самого детства. Просто удивительно! Какая беда случилась с этими людьми? Что с ними стряслось? Они мертвы. Они живые трупы. Если к ним приблизиться, не будучи заранее убежденным в их великой святости, и просто беспристрастно наблюдать, вы будете поражены, растеряны. Какая болезнь, какой недуг поразил этих людей? Они невротичны. Их занятость собой превратилась в невроз.

Община потеряла для них всякий смысл, тогда как весь смысл в общине. Помните... когда вы кого-то любите, вы не только отдаете любовь – отдавая, вы растете. Когда любовь течет между вами и возлюбленным, это обогащает обоих. И в этом обмене любовью начинают реализовываться ваши скрытые возможности. Именно так происходит самореализация. Любите больше, и вы станете больше; любите меньше, и вы уменьшитесь. Человек всегда соразмерен своей любви. Величина бытия пропорциональна величине любви.

Однажды, когда хасидим по-братски сидели вместе, к ним, с трубкой в руке, присоединился...

Знаете ли вы другого святого с трубкой в руке?

...раввин Израэль с трубкой в руке присоединился к ним.

Обычную жизнь – даже трубку – следует почтить и сделать священной. Курить можно очень молитвенно. А можно совсем немолитвенно молиться. Вопрос не в том, что вы делаете... Можно ходить в храм, можно ходить в мечеть, и все же молиться очень немолитвенно. Все зависит от вас. Все зависит от качества, которое вы вкладываете в молитву. Можно есть, курить, пить – и все эти небольшие, обыденные действия можно совершать в такой благодарности, что они становятся молитвой.

Вот в чем суть: неважно, что вы делаете. Можно коснуться чьих-то ног, но очень немолитвенно, и тогда в этом нет смысла, а можно курить и делать это молитвенно – и ваша молитва достигнет Бога.

Людам, которые держатся за жесткие представления о религии, духовности, это очень трудно, но мне бы хотелось, чтобы вы стали более текучими, гибкими. Не держитесь твердых убеждений. Наблюдайте.

...раввин Израэль с трубкой в руке присоединился к ним.

Он был само дружелюбие, и они его попросили:

«Скажи, дорогой равви, как нам служить Богу?»

Да, только в глубокой дружественности можно что-то спросить. И только в глубокой дружественности можно что-то ответить. Мастера и ученика соединяет глубокая дружба – они как влюбленные. И ученик должен ждать подходящего момента, и мастер должен ждать подходящего момента; когда дружба течет свободно, без всяких преград – тогда можно дать ответ. А иногда ученик может получить ответ, даже если ответа не было; можно передать учение, не прибегая к помощи слов.

Он удивился этому вопросу ответил было: «Откуда мне знать?»

В самом деле, так отвечают все, кто знает: «Откуда мне знать?»

«Как служить Богу? Вы задаете такой важный вопрос – я не достоин того, чтобы на него ответить, – говорит мастер. – Откуда мне знать?»

О любви ничего нельзя знать, ничего нельзя знать о том, как служить Богу, – это очень трудно.

...но потом рассказал такую историю...

Сначала он говорит: «Откуда мне знать?» Сначала он говорит, что в таких вещах знание невозможно. Сначала он говорит, что не может дать никакого знания. Сначала он говорит, что не может сделать вас более знающими – нет такого способа. Но потом рассказывает историю.

История совершенно не похожа ни на какие теоретические выкладки. История – нечто более живое, более наглядное. Она не много говорит, но многое показывает. Все великие мастера рассказывали истории, притчи, анекдоты. Причина в том, что если сказать что-то прямо, многое погибнет. Прямолинейное выражение слишком грубо, примитивно, вульгарно, уродливо. Притча делает описание очень деликатным. Она его сглаживает, делает более поэтичным и менее логическим, ближе к жизни, парадоксальнее. Когда речь идет о Боге, нельзя пользоваться силлогизмами и доводами. Но можно рассказывать истории.

Еврейский народ славится своими притчами. Иисус, который был евреем, рассказал несколько самых красивых притч, какие только знал этот мир. Евреи большие мастера рассказывать истории. В философии они, вообще говоря, не слишком сильны, но их философские притчи очень красивы. Притчи о многом говорят, ничего прямо не называя, ни на что непосредственно не указывая, они создают определенную атмосферу. В этой атмосфере можно что-то понять. Так действует притча.

...но потом рассказал такую историю...

Сначала он говорит: «Откуда мне знать?» Он просто отрицает знание, всякую возможность знания. Философ говорит: «Да, я знаю», – и предлагает четко сформулированную теорию, доказательную с точки зрения логики и математики, подкрепленную аргументами и силлогизмами. Он стремится убедить. Быть может, он вас не убедит, но сможет подавить аргументами.

Притча никогда не стремится убеждать. Она захватывает врасплох, уговаривает, словно щекочет глубоко изнутри.

Спрашивая: «Откуда мне знать?» – мастер говорит: «Не беспокойтесь: я не собираюсь приводить никаких аргументов, никаких теорий. Не волнуйтесь, я не собираюсь вас ни в чем убеждать. Я хочу просто порадовать вас небольшой притчей, историей». Слушая историю, вы расслабляетесь, воспринимая теорию, вы приходите в напряжение. А все, что создает напряжение, не может принести большой пользы. Напряжение разрушительно.

...но потом рассказал такую историю:

У одного короля было двое друзей, и оба они оказались повинны в преступлении. Король их любил и хотел явить им милость, но не мог оправдать, потому что даже королевское слово не может быть сильнее закона. Тогда он велел натянуть веревку над глубокой пропастью и вынес приговор, чтобы они, один за другим, прошли по ней. Тому, кто перейдет на другую сторону, будет дарована жизнь.

Притча создает определенную атмосферу, атмосферу домашнего уюта – как будто бабушка рассказывает вам историю перед сном. Дети просят: «Расскажи нам сказку». Это помогает им расслабиться и уснуть. История очень расслабляет и не давит на ум, скорее, она начинает играть с вашим сердцем. Слушая историю, вы слушаете не «головой» – нельзя воспринимать историю головой, слушая «головой», вы упустите суть. Воспринимая головой, понять историю невозможно – ее нужно понимать сердцем. Вот почему слишком «головные»

народы и страны не понимают хороших шуток. Например, немцы! – анекдоты им не даются. Это одна из самых разумных в мире наций, но на шутки они не богаты.

Кто-то сказал немцу – я случайно услышал – кто-то сказал немцу, что знает хороший анекдот про немцев. Немец сказал: «Не забывай, что я сам немец», – на что тот ответил: «Ладно, я буду его рассказывать очень, очень медленно!»

Немцам очень трудно. Германия – страна профессоров, мастеров логики: Кант, Гегель и Фейербах... Они всегда думали головой. Они развивали голову, они создали великих ученых, логиков, философов. Но кое-что они упустили.

У нас в Индии шуток мало – в этом проявляется оскудение духа. Вам не удастся найти ни одной чисто индийской шутки – нет. Все шутки, имеющие хождение в Индии, заимствованы у Запада. Нет ни одного чисто индийского анекдота. Можете мне поверить, потому что мне попадались все анекдоты мира! Индийского анекдота не существует как такового. В чем причина? Все та же – очень интеллектуальные люди. Они все сплетали и сплетали теории – от Вед до Сарвапалли Радхакришнана они только и делали, что свивали одну теорию за другой, и так глубоко ушли в это занятие, что разучились рассказывать красивые истории и сочинять шутки.

Равви начал рассказывать историю – ученики, должно быть, расслабились, слушая без напряжения, но *внимательно*. Красота истории в том, что, когда ее рассказывают, вы внимательны, но в то же время не напряжены. Вы можете быть расслабленным и все же внимательным. Когда вы слушаете историю, возникает пассивное внимание. Слушая теорию, вы становитесь очень напряженными, потому что, пропустив хотя бы одно слово, можно ее не понять. Вы становитесь более сосредоточенными. Слушая историю, человек становится более медитативным, – терять особенно нечего. Даже если где-то вы и пропустите несколько слов, потеря будет невелика, потому что историю можно просто почувствовать – она не настолько зависит от слов.

Должно быть, ученики расслабились, и мастер рассказал историю.

Тогда он велел натянуть веревку над глубокой пропастью и вынес приговор, чтобы они, один за другим, прошли по ней. Тому, кто перейдет на другую сторону, будет дарована жизнь.

Очень важное предложение:

Тому, кто перейдет на другую сторону, будет дарована жизнь.

Иисус часто говорит ученикам: «Придите ко мне, если хотите иметь жизнь в избытке. Если хотите иметь жизнь вечную, придите ко мне». Но жизнь вечная случается только с теми, кто переходит предел рождения и смерти, переходит предел двойственности, переходит на другой берег. Другой берег, другая сторона – просто символ трансцендентального. Но это только намек. Ничто не сказано прямо, только намек.

А история продолжается.

Все было сделано так, как велел король, и первый из друзей перешел благополучно.

Здесь описываются два типа людей.

Первый человек просто пошел и пересек пропасть благополучно. Обычно мы сначала попытались бы выяснить, как ходить по канату. Канат, натянутый над глубокой пропастью, – это опасно. Мы захотели бы узнать способы, средства, метод хождения по канату. Мы стали бы спрашивать: как? – техника, должна быть какая-то техника... Люди ходили по канату много веков.

Но первый человек просто пошел, ничего не выясняя, даже не дожидаясь другого. Это естественная склонность – пропустить другого вперед. Можно хотя бы посмотреть и понаблюдать – это поможет. Нет, первый просто пошел. Должно быть, он был человеком необычайного доверия, должно быть, он был человеком непоколебимой уверенности. Должно быть, он понял

в жизни одно: есть лишь один путь научиться чему-либо – пережить, испытать. Другого пути нет.

Нельзя научиться ходить по канату, наблюдая за канатоходцем, – нет, невозможно, – поскольку это не похоже на технологию, которую можно наблюдать со стороны; это некое внутреннее равновесие, которое известно только самому идущему. И его нельзя передать. Он не может просто рассказать – ничего нельзя сказать словами. Ни один канатоходец не может рассказать, как ему это удается.

Например, вы умеете ездить на велосипеде. Можете ли вы кому-нибудь рассказать, как вы едете? Вы «знаете» равновесие – это нечто вроде хождения по канату, только на двух колесах, расположенных по прямой. Вы просто «берете и едете» – едете так быстро, с таким доверием. Если кто-то спросит, в чем секрет, – сможете ли вы свести его к формуле, к H₂O? Сформулировать принцип? Вы не скажете: «Вот мой принцип, я следую этому принципу», – вы скажете: «Единственный способ научиться – самому сесть на велосипед. Я тебя подтолкну. Сначала ты пару раз упадешь, но потом поймешь, что единственный способ узнать – это узнать». Единственный способ научиться плавать – это поплыть, со всеми вытекающими опасностями.

Должно быть, первый человек пришел к глубокому пониманию: жизнь не похожа на учебник. Ей нельзя научить, ее нужно переживать. И, должно быть, это был человек огромной осознанности. Он не стал медлить, а просто пошел, будто ходил по канату всегда. Никогда раньше он не ходил по канату, он ступил на канат в первый раз.

Но для человека осознанности все происходит впервые, и человек осознанности умеет все – даже в первый раз. Его умение не приходит из прошлого, его умение рождается из настоящего. Помните: все можно делать двумя способами. Можно делать что-то потому, что вы делали это раньше – вы умеете, присутствовать не обязательно, достаточно механического действия. Но если вы чего-то раньше не делали и собираетесь сделать впервые, нужно быть чрезвычайно бдительным, потому что на этот раз у вас нет прошлого опыта. Вы не можете полагаться на память, придется полагаться на осознанность.

Есть два источника деятельности: вы действуете, либо исходя из памяти, знаний, прошлого, ума, либо – из осознания, настоящего, не-ума.

Первый из них, должно быть, был человеком не-ума, человеком, который знает, что можно просто взять и пойти, сохраняя бдительность, – и будь что будет. И, что бы ни случилось, все хорошо. Такая смелость...

...и первый из друзей перешел благополучно. Другой же, стоя на прежнем месте, крикнул ему: «Скажи мне, друг, как тебе это удалось?»

Второй человек символизирует ум большинства, массовый ум. Сначала он хочет узнать, как перейти. Есть ли какой-нибудь метод? Техника, которой можно научиться? Он ждет, что скажет другой.

«Скажи мне, друг, как тебе это удалось?»

Должно быть, второй человек верит в знание. Он верит в чужой опыт.

Ко мне приходит много людей. Они говорят: «Ошо, расскажи нам, что с тобой произошло?» Но что это вам даст? Об этом говорили Будда, Махавира, Иисус – и что это вам дало? Бесполезно – до тех пор, пока это не происходит с вами. Я могу рассказать еще одну историю, вы можете пополнить ею свою память, но это не поможет.

Ожидать чужого знания – значит ожидать напрасно, так как ничто, данное другими, не может иметь никакой ценности, а все сколько-нибудь ценное передать нельзя.

Первый крикнул в ответ: «Сам не знаю!.. Только одно могу сказать»...

Хотя он и перешел пропасть, он говорит: «Сам не знаю!..» В самом деле, жизнь никогда не становится знанием; она остается очень глубоким, текучим переживанием, не превращаясь в знание. Ее нельзя выразить словами, свести к концепции, сформулировать в четкую теорию.

«Сам не знаю!.. Только одно могу сказать: когда я чувствовал, что вот-вот упаду в одну сторону, я наклонялся в другую».

«Только это и можно сказать: по обе стороны от меня, слева и справа, были две крайности. Когда я чувствовал, что слишком наклоняюсь влево и теряю равновесие, я наклонялся вправо. Но мне снова приходилось балансировать – теперь я начинал слишком сильно клониться вправо и снова чувствовал, что теряю равновесие... – и снова наклонялся влево».

Итак, он говорит две вещи. Во-первых: «Я не могу сформулировать это как знание. Я могу только показать. Я не знаю точно, что произошло, могу дать только намек, и то небольшой. На самом деле, не понадобится даже намек. Ты сам пройдешь через этот опыт. Вот все, что можно сказать».

Будду все время спрашивали: «Что с тобой произошло?» – и он отвечал: «Этого нельзя выразить словами; могу сказать только, при каких обстоятельствах, в каких условиях это произошло. Возможно, вам это немного поможет. Я не могу рассказать о высшей истине, но могу рассказать, как, на каком пути, при помощи какого метода и в какой ситуации случилось так, что на меня снизошла божественная милость, ко мне пришло благословение».

Этот человек говорит:

«...когда я чувствовал, что вот-вот упаду в одну сторону, я наклонялся в другую».

«Вот и все. Ничего особенного. Так я сохранял равновесие, так я оставался посередине». Середина – изящество духа, благословение, божественная милость.

Равви говорит своим ученикам: «Вы спрашиваете, как вам служить Богу?» – и своей притчей показывает – держитесь середины.

Избегайте чрезмерного потакания и чрезмерного отречения. Не ограничивайтесь только миром, но и не бегите от него. Сохраняйте равновесие. Когда вы чувствуете, что слишком потакаете себе, наклонитесь в сторону отречения; а когда чувствуете, что превращаетесь в отшельника, аскета, снова наклонитесь к потаканию. Держитесь середины.

На дорогах Индии стоят знаки: «Держитесь левой стороны»; в Америке вы увидите: «Держитесь правой стороны». В мире всего два типа людей: кто-то держится слева, кто-то – справа. Третий тип – кульминация сознания. Здесь правило такое: «Держитесь середины». Только не вздумайте применять его на дороге!.. Но на дороге жизни держитесь середины. Ни влево, ни вправо... точно посередине.

И в этой середине возникнут проблески равновесия. Есть точка – ее можно уловить, почувствовать, – есть точка, где вы не склоняетесь ни к какой крайности, – вы точно посередине. В эту долю секунды, внезапно – божественная милость, все в равновесии.

Именно так служат Богу. Оставайтесь в равновесии, и это станет служением Богу; оставайтесь в равновесии, и тогда Бог открыт для вас, и вы открыты для Бога.

Жизнь – не технология, даже не наука; жизнь – это искусство, или, может быть, даже лучше назвать ее глубоким внутренним ощущением. Ее нужно чувствовать. Она подобна балансированию на канате.

Равви выбрал прекрасную притчу. Он ничего не сказал о Боге, о служении, он даже не дал прямого ответа. Ученики, наверное, и сами забыли о вопросе – в этом красота притчи. Она не делит ум на вопрос и ответ, а просто дает внутреннее ощущение действительности.

В жизни нет никаких технологий. Помните, жизнь – в отличие от американцев – не любит технологий. Американский ум, или, точнее, современный ум склонен делать технологии из

всего. Даже если речь идет о медитации, современный ум старается сделать из нее технологию. Мы создаем машины, теряя человека; мы теряем всякий контакт с жизнью.

Помните, есть вещи, которым нельзя научить, которые можно только уловить. Я здесь. Вы можете наблюдать меня, можете заглянуть мне внутрь – и вы увидите равновесие, вы увидите молчание. Оно почти осязаемо; вы можете его коснуться, можете его услышать, можете его увидеть. Вот оно! Я не могу сказать, что это такое, не могу дать специальных техник, чтобы его достичь. Самое большее, я могу рассказать несколько притч, историй, но это будут только намеки. Те, кто понимает, позволят им упасть себе в сердце, как падают в почву семена. В свое время, в нужную пору они прорастут; и вы по-настоящему поймете меня лишь в тот день, когда испытаете то же, что и я. Я перешел на другой берег, вы кричите мне через пропасть: «Скажи, друг, как тебе это удалось?» И вот все, что я могу вам сказать:

«Сам не знаю!.. Только одно могу сказать: когда я чувствовал, что вот-вот упаду в одну сторону, я наклонялся в другую».

Держитесь середины. Будьте постоянно бдительны, чтобы не потерять равновесие, и тогда все случится само собой.

Оставаясь посередине, вы будете открыты для Бога, для его милости. Оставаясь посередине, вы можете стать хасидом; вы можете научиться принимать милость. Бог есть милость. Нельзя ничего сделать, чтобы найти его; можно сделать только одно: не преграждать ему путь. Двигаясь в крайность, вы становитесь напряженным, и напряжение делает вас слишком жестким. Когда вы посередине, напряжение исчезает, вы таете и становитесь текучим. Вы больше не преграждаете путь. Когда вы посередине, вы больше не стоите у Бога на пути, – или, позвольте мне сказать это так: когда вы посередине, вас нет. Точно посередине случается чудо: вы – никто, вы – ничто.

Вот тайный ключ. Он может отпереть для вас все тайные замки существования.

Достаточно на сегодня.

Глава 2

Игроки в игре

Разгневанный самурай на переправе

О добровольных страданиях, причиняемых амбициями и нетерпением

* * *

Музо, национальный учитель, один из самых прославленных мастеров своего времени, в сопровождении ученика покинул столицу, направляясь в далекую провинцию.

У реки Тенрю им пришлось ждать целый час, прежде чем они смогли взойти на паром. Когда они уже отплывали от берега, какой-то пьяный самурай вскочил на переполненный паром, едва не потопив его. Пока маленькая лодка пересекала реку, он шатался, отчего лодка угрожающе раскачивалась.

В страхе за своих пассажиров паромщик умолял его стоять спокойно. «Мы здесь, как сельди в бочке», – грубо сказал самурай. Затем, указав на Музо, добавил: «Почему бы нам не сбросить этого бонзу?» «Пожалуйста, потерпи, – сказал Музо, – скоро мы будем на той стороне». «Что?! – вскричал самурай. – Терпеть? Мне?! Послушай: если ты не выпрыгнешь сам, Клянусь, я тебя утоплю!»

Спокойствие мастера привело самурая в такое бешенство, что он ударил Музо железным веером, в кровь разбив ему голову.

Ученик Музо больше не мог этого выносить и, будучи человеком сильным и благородным, пожелал вызвать самурая на поединок. «Я не могу допустить, чтобы после этого он оставался в живых», – сказал он. «Стоит ли волноваться из-за такого пустяка? – с улыбкой сказал Музо. – Только в такие моменты и может проявить себя бонза. Помни: терпение – больше, чем просто слово».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.